

Говард Филлипс Лавкрафт

Гарри Гудини

Погребённый вместе с фараонами

(Imprisoned with the Pharaohs)

Одна тайна неизбежно влечет за собой другую. После того, как мое имя стало широко известно, и я прославился как виртуоз своего дела, мастер невероятных трюков, я столкнулся с такими необычными изложениями фактов и событий, которые заставили людей заинтересоваться моей деятельностью и персоной. Некоторые из этих историй были банальными и неуместными, некоторые — глубоко драматичными и захватывающими, одни изобиловали рискованными поступками и таинственными приключениями, другие приписывали мне обширные научные и исторические познания. Обо многих из них я рассказывал и буду рассказывать откровенно. Но об одной я всегда вспоминаю с большой неохотой, и если сейчас о ней и расскажу, то только после настойчивых расспросов и долгих уговоров со стороны издателей этого журнала, до которых дошли кое-какие слухи от моих родных.

До настоящего времени все это имеет прямое отношение к моей туристической поездке в Египет четырнадцать лет назад. Я избегал говорить о ней по нескольким причинам. С одной стороны, я не склонен использовать в личных интересах безошибочно подлинные факты и обстоятельства, явно неизвестные гостям страны фараонов, толпящимся возле сфинксов и пирамид, и, вероятно, с большим усердием утаиваемые в целях предосторожности властями в Каире, которые не могут совсем уж ничего о них не знать. С другой стороны, я не горю желанием подробно описывать тот случай, в котором мое распаленное воображение, должно быть, сыграло такую большую роль. То, что я видел — или представлял себе, что видел, — конечно, не имело места в действительности; но оно скорее должно рассматриваться как результат того, тогда недавнего, увлечения египтологией и раздумий на эту тему, естественно, возбуждаемых окружающей обстановкой. Эти побудительные причины, усиленные волнением в результате впечатления от подлинного события, невероятного само по себе, без сомнения, дали толчок нараставшему и достигнувшему кульминационной точки потрясению, пережитому мной в той, давно ушедшей кошмарной ночи.

В январе 1910 года подошел срок окончания моего договора в Англии, и я подписал контракт на турне с австралийскими театрами. Так как поездка эта предполагала наличие свободного времени, я решил использовать его главным образом для путешествий, которые меня, в основном, интересовали.

Итак, в сопровождении жены я, полагаясь на благосклонность фортуны, поплыл вдоль континента и в Марселе сел на пароход «Мальва», приписанный к Порт-Саиду. После этого я предполагал посетить главные исторические достопримечательности восточного Египта прежде, чем окончательно отправиться в Австралию.

Наше плавание было приятным и оживлялось множеством забавных случаев, которые выпадают на долю мага-волшебника на отдыхе. Ради спокойного путешествия я намеревался держать свое имя в секрете, но был вынужден выдать себя своему же собрату по профессии, чье желание удивить пассажиров дешевыми трюками заставило меня вдвое усилить свои старания и тем самым разоблачить собственное инкогнито. Я упоминаю об этом в связи с конечным эффектом — эффектом, который мне следовало бы предвидеть, прежде чем раскрывать себя перед туристами на пароходе, которые потом разбрелись по всей долине Нила. Теперь, где бы я впоследствии ни появлялся, меня всюду узнавали. Я лишил себя и свою жену спокойной, безмятежной жизни и неприметности, о которой столько мечтал. Путешествуя ради того, чтобы побольше узнать о неизвестном, я сам в силу обстоятельств стал предметом пристального внимания и изучения, словно интригующий антикварный раритет.

Мы прибыли в Египет в поисках живописных мест, удивительных красот и волнующих тайн, но не все наши надежды оправдались, когда судно медленно приблизилось к Порт-Саиду и всех нас пересадили в небольшие лодки. Низкие песчаные дюны, раскачивающиеся на поверхности мелких вод буйки и отчаянно жалкий маленький город на европейский лад, где и увидеть-то нечего, кроме статуи великого Лессепса, возбудили в нас желание продолжить путь, чтобы повидать что-то более интересное и достойное нашего внимания. Немного поразмыслив, мы надумали сразу же отправиться в Каир и к пирамидам, потом — в Александрию на австралийский пароход, осмотрев греко-романские достопримечательности, которые нам могла предложить древняя столица.

Поездка по железной дороге была вполне сносной и отняла у нас всего четыре с половиной часа. Мы увидели большую часть Суэцкого канала, вдоль которого следовали, и получили беглое представление о старом Египте в быстро промелькнувшей перед глазами картине восстановленного и наполненного водой канала времен Римской империи. Потом, наконец, показался Каир, мерцающий огнями в сгущающихся сумерках. Яркие созвездия в ясном небе предстали перед нами во всем своем великолепии, когда мы остановились у знаменитого «Гаре Централь».

Но нас вновь ожидало разочарование, ибо все вокруг было европейским, кроме, пожалуй, одеяний прохожих. Обычный подземный переход вывел нас на площадь, кишашую экипажами, такси, трамваями и ярко освещенную электрическими огнями, сверкающими на высоких зданиях. Мы были рядом с тем самым театром, где меня тщетно просили выступить и который я позже посещал как зритель. Он был недавно переименован в «Американ Космограф». Мы обосновались в отеле «Шепад», до которого добрались на такси, быстро мчавшемся вдоль широких, застроенных комфортабельными зданиями улиц. Среди всей этой главным образом англо-американской роскоши, лифтов, эскалаторов, великолепного сервиса в ресторане таинственный Восток с его древним прошлым казался весьма далеким.

Следующий день, однако, вверг нас в восхитительную атмосферу «Арабских ночей» — извивающиеся улочки и экзотические силуэты Каира на фоне неба, казалось, вновь оживили Багдад Харун аль-Рашида. Мы отправились в восточную часть мимо садов

Избеких вдоль Муски в поисках местного квартала и вскоре оказались в руках шумливого чичероне, который — вопреки последнему обстоятельству — был мастером своего дела.

Только позже я понял, что в отеле мне следовало обратиться к дипломированному гиду. Этот человек, бритый, с каким-то особенно глухим голосом и относительно чистоплотный, выглядел как фараон и называл себя Абдул Райе эль Дрогман. Как оказалось, он имел большую власть над себе подобными, хотя впоследствии полицейские сделали вид, что они его не знают, и предположили, что райе — это просто слово, относящееся к человеку с какими-либо полномочиями, в то время как «Дрогман», очевидно, не более, чем искаженная модификация «драгоман» — термин, означающий руководителя туристической группы.

Абдул показал нам такие чудеса, о которых мы только читали или знали понаслышке. Древний Каир сам по себе словно удивительная книга и мечта — лабиринты узких улочек, полных необыкновенной таинственности, балконы в арабском стиле и эркеры, почти соединяющиеся друг с другом над мощеными булыжниками улицами; водоворот восточного транспорта с его необычными звуками и выкриками, щелканье кнутов, грохотанье тележек, звон монет, пронзительный крик ослов; мозаика многокрасочных одежд, паранджи, тюрбаны, фески; носильщики воды и дервиши, собаки и кошки, предсказатели и парикмахеры; и надо всем этим — заискивающее нытье слепых нищих, низко кланяющихся из своих углублений в стене, и громкое пение муэдзина в украшенном изящной росписью минарете, вырисовывающегося на фоне бескрайнего голубого неба.

Крытые и более спокойные базары вряд ли были менее притягательны.

Пряности, духи, четки, бусы, коврики, шелка и изделия из меди — старый Махмуд Сулейман сидит, скрестив ноги, среди своих сосудов и бутылок, в то время как молодые люди, ведущие пустой разговор, растирают в порошок горчицу в выдолбленном углублении в капители древней античной колонны память о римском владычестве, возможно, из соседнего Гелиополиса, где Август размещал один из своих трех египетских легионов. Древность начинает смешиваться с экзотикой. Кроме того, мечети и музеи — мы все их посмотрели и всячески старались, чтобы живой и радостный арабский дух не был заслонен мрачным очарованием Египта великих фараонов, которые нам предлагали бесценные музейные сокровища. Это должно было быть нашей кульминационной точкой, а в настоящий момент мы сосредоточили свое внимание на средневековых памятниках сарацинов-халифов, чьи впечатляющие мавзолеи-мечети образовали блистательный фантастический некрополь на границе с Аравийской пустыней.

Наконец Абдул провел нас вдоль Шариа Мохамед Али к древней мечети султана Хассана и к Бебель-Азабу с расположенной сбоку башней, за которой по крутой стене взбирался проход к могущественной цитадели, возведенной самим Саладином из камней заброшенных пирамид. Солнце садилось, когда мы взбирались на отвесную скалу, обошли вокруг современной мечети Мохамеда Али и посмотрели вниз с головокружительной высоты на таинственный Каир — таинственный Каир, весь сверкающий золотом резных куполов, воздушных минаретов и пламенеющих яркими багровыми красками садов.

Высоко над городом возвышался огромный римский купол нового музея; а за ним — по ту сторону загадочного желтого Нила — праматери человечества и великих династий — притаились грозные пески Ливийской пустыни с ее переливающимися барханами и древними зловещими тайнами.

Низко опустилось утомленное солнце, принеся прохладу египетским сумеркам; и пока оно парило так в воздухе на краю земли, как древний бог Гелиополис — Ре-Горахт — мы увидели вырисовывающиеся на фоне его багряных лучей темные контуры пирамид Гизы — убеленные сединами веков усыпальницы, сохранившиеся с того времени, когда Тутанхамон воздвиг золотой трон в далеких Фивах. Мы знали, что на этом наша прогулка по сарацинскому Каиру завершилась, и теперь мы должны были погрузиться в более древние и глубокие тайны Египта — мрачные и зловещие свидетельства Ре и Амона, Изиды и Озириса.

На следующее утро мы побывали возле пирамид, проехав в легком двухместном экипаже «виктория» по острову Чизерех с его массивными деревьями и по небольшому английскому мосту на западное побережье. Мы ехали по дороге, окруженной рядами огромных деревьев, порой смыкающих над нами свои кроны, мимо обширного зоологического сада на окраину Гизы к тому месту, где был построен новый мост в собственно Каир. Затем, повернув вглубь вдоль Шариэль-Харам, мы пересекли район каналов с гладкой и чистой поверхностью воды и местных деревушек с ветхими домишками, пока впереди не замаячили цели нашего путешествия, чьи вершины взмывали вверх над предрассветной дымкой, образуя опрокинутые точные копии в придорожных водоемах, Сорок веков, как сказал Наполеон участникам своего африканского похода, в самом деле смотрели на нас сверху вниз.

Внезапно дорога круто взмывала вверх, пока мы не добрались до места своей пересадки между трамвайной станцией и отелем «Мена Хаус». Абдул Райс, который умело приобрел билеты, казалось, прекрасно ладил с толпящимися здесь вопящими отвратительными бедуинами, жившими в убогих грязных деревеньках неподалеку и докучавших каждому путешественнику. Он старался не подпускать их к нам и достал отличную пару верблюдов для нас, сам взобрался на осла и поручил вести наших животных группе мужчин и подростков, которые скорее обернулись для нас лишними тратами, чем были полезны. Местность, которую нам предстояло пересечь, была настолько мала, что вряд ли была необходимость в верблюдах, но мы не жалели о том, что обогатили свои познания и совершили путешествие на «кораблях пустыни».

Эти пирамиды стоят на высоком каменном плато рядом с самой северной группой пирамид с царскими и аристократическими захоронениями, построенных неподалеку от Мемфиса, прекратившей ныне свое существование столицы, расположенной на том же берегу Нила, несколько южнее Гизы и процветавшей между 3400 и 2000 годами до нашей эры. Самая большая пирамида, расположенная ближе всех к современной дороге, была возведена фараоном Хеопсом или Хуфу около 2800 лет до нашей эры. Она достигает высоты более 450 футов. Юго-восточнее нее стоит Вторая пирамида, выстроенная фараоном Хефреном лет на тридцать позже. Хотя она чуть меньших размеров, выглядит она даже внушительней Первой, так как основание у нее более высокое. Значительно меньшая Третья пирамида фараона Мусеринуса относится приблизительно к 2700 году

до нашей эры. На краю плато, прямо на восток от Второй пирамиды, с лицом, возможно, изображающим огромный портрет Хефрена, стоит исполинский Сфинкс — безмолвный, сардонический и мудрый, возвышаясь над всем человечеством и памятью.

Малые, не представляющие большого интереса пирамиды и остатки разрушенных малых пирамид можно обнаружить в нескольких местах. По всему плоскогорью можно найти следы гробниц и захоронений, принадлежащих жрецам и священнослужителям меньшего ранга. Эти гробницы первоначально обозначались с помощью mastabas, каменных сооружений вокруг находящихся на большой глубине надгробий, как это было обнаружено на других Мемфисских кладбищах. Примером тому служит гробница Пернеба в Метрополитен-Музее в Нью-Йорке. В Гизе, однако, такие зримые приметы были разрушены временем или попросту разграблены; остались только высеченные из камня надгробия, занесенные песком либо расчищенные археологами, чтобы служить доказательством своего бывшего существования. С каждой гробницей была соединена часовня, в которой жрецы и родственники умершего преподносили им пищу и читали молитвы витающей здесь каи или поминали умершего. В небольших гробницах были свои часовни, расположенные в каменных mastabas или надстройках, но погребенные часовни пирамид, в которых покоились фараоны, были обособленными храмами. Они располагались в восточной части каждой такой пирамиды и были соединены мощеной дорожкой с массивной главной часовней или монументальной аркой, находящейся на краю каменистого плато.

Главная часовня, ведущая ко Второй пирамиде, почти засыпанная движущимися песками, открывается взору под землей юго-восточнее Сфинкса.

По традиции ее называют «Храмом Сфинкса»; возможно, она так называется по праву, если Сфинкс действительно олицетворяет собой создателя Второй пирамиды Хефрена. Существует множество жутких историй о Сфинксе до того, как его переделали в Хефрена, но какими бы ни были его прежние черты, древний царь заменил их своими, чтобы люди могли смотреть на этого колосса без страха.

Именно у входа в главный храм была обнаружена диоритовая статуя Хефрена в натуральную величину. Ныне она хранится в одном из музеев Каира, — статуя, перед которой я стоял и перед которой испытывал благоговейный трепет. Произведены ли сейчас раскопки этого величественного сооружения, я не могу сказать с уверенностью, но в 1910 году основная его часть находилась еще под землей, и по ночам вход в него был прегражден вооруженной охраной. Всеми работами тогда руководили немцы. Война или какие-нибудь другие обстоятельства могли изменить этот порядок. Я многое бы отдал, принимая во внимание свой опыт, а также распространяемые некоторыми бедуинами слухи, чтобы узнать, что же произошло в поперечной галерее, где статуи фараона были обнаружены в непосредственном соседстве со статуями бабуинов и других животных.

Дорога, по которой мы в то утро ехали верхом на верблюдах, резко сворачивала влево мимо деревянного здания полиции, почты, аптеки и магазинов, круто спускаясь на юг и восток, чтобы окончательно повернуть и взобраться на каменистое плато, столкнуться нас лицом к лицу с великой пустыней, защищенной Великой Пирамидой. Мы проехали мимо гигантской каменистой кладки, завернули с восточной стороны и посмотрели вниз, на

долину малых пирамид, за которыми вечный Нил, блестя на солнце, нес свои воды на восток и вечная пустыня мерцала с запада. Очень близко вырисовывались три главные пирамиды. Самая большая из них была лишена внешнего покрова и стояла, обнаружив большую часть серых камней. Но другие сохранили здесь и там аккуратно нанесенную облицовку, которая делала их в свое время такими гладкими и законченными.

Вскоре мы спустились к Сфинксу и молча сидели, зачарованные его необыкновенными, невидящими глазами. На его широкой каменной груди мы с трудом рассмотрели символ Ре-Горахта, за копию которого принимали Сфинкса в более поздних династиях. И хотя надпись между огромными лапами была занесена песком, мы вспомнили, что там высек на камне Тутмос IV, и о чем он мечтал, будучи принцем. Именно тогда улыбка Сфинкса как-то смутно вызвала в нас неприязнь и заставила заинтересоваться легендами о подземных лабиринтах, расположенных под чудовищным созданием, лабиринтах, ведущих вниз на такие глубины, на которые не каждый осмелится посягнуть — глубины, связанные с тайнами более древними, чем открывшийся нам династический Египет, имевший зловещую связь с божествами с головами животных в древнем нильском пантеоне. И тут я задал себе вопрос, скрытый смысл коего стал понятен лишь позднее.

Теперь понаехавшие отовсюду туристы начали догонять нас, и мы направились к занесенному песком «Храму Сфинкса», о котором я уже упоминал, как о главной часовне, ведущей во Вторую пирамиду. Большая его часть все еще находилась под землей, и хотя мы спешили и спустились по современного вида проходу в гипсовый коридор и далее, в поддерживаемое колоннами просторное помещение, я чувствовал, что Абдул и местный немецкий гид показали нам не все, что здесь можно было увидеть.

Потом мы объехали вокруг плато, рассматривая Вторую пирамиду и развалины ее погребальной часовни с восточной стороны, Третью пирамиду и ее миниатюрных южных спутниц и разрушенную восточную часовню; каменные гробницы и изрытые ходами и галереями гробницы Четвертой и Пятой династий, известную усыпальницу Кэмпбелла, чей темный надгробный камень уходит вглубь на пятьдесят три фута к мрачному саркофагу, который один из сопровождавших нас расчистил от песка, спустившись туда на толстой веревке.

Тут от великой пирамиды до нас донесся крик. Это бедуины осаждали группу туристов, наперебой предлагали свои услуги, обещая как можно быстрее провести каждого туриста по тропам вверх и вниз. Говорят, рекордное время для такого подъема и спуска — семьдесят минут, но многие опытные проводники и их сыновья заверили нас, что могут сократить эту цифру в пять раз, был бы только необходимый стимул в виде щедрых *baksheesh*. Но стимула этого у нас не было, хотя мы все-таки попросили Абдула поднять нас наверх и таким образом получили возможность полюбоваться не только небывалой красоты видом далекого, мерцающего огнями Каира, увенчанного золотисто-лиловыми вершинами гор, но и всеми пирамидами Мемфисского округа, от Абу Рош на севере до Дашура на юге.

Пирамидообразное сооружение Саккара, являющее собой пример эволюции невысокой *mastaba* в собственно пирамиду, ясно и заманчиво проступило в песчаной

дали. Как раз недалеко от этого места была обнаружена знаменитая гробница Пернеба — более, чем в четырехстах милях севернее фивейской долины царей, где покоится Тутанхамон. И вновь я вынужден замолчать, испытывая истинный благоговейный восторг. Вид этой классической древности и тайны, которые каждый древний монумент, казалось, хранил и вынашивал в себе, наполнили меня глубоким почтением и ощущением необъятности, какое я более уже ни перед чем не испытывал.

Устав от крутого подъема и чувствуя отвращение к назойливым бедуинам, которые дошли до того, что уже пренебрегали всеми правилами приличия, мы упустили всякую возможность пройти по тесным внутренним ходам всех пирамид, хотя мы видели, как некоторые особенно упорные готовились к тому, чтобы с трудом пробраться по душным лабиринтам величайшего памятника фараону Хеопсу.

Когда мы, снова заплатив, отпустили наших местных проводников и поехали обратно в Каир с Абдулом Райсом под слепящим полуденным солнцем, мы очень сожалели об упущенной нами возможности. Столько интересного рассказывали об этих подземных ходах! Конечно, не в справочниках для туристов. Такие слухи ходили! Входы в эти подземные коридоры были заблокированы и скрыты некоторыми необщительными археологами, которые их раскопали и начали исследовать.

Конечно, на поверку часто оказывалось, что слухи эти были безосновательными: но любопытно было призадуматься над тем, с какой категоричностью запрещалось посетителям входить в пирамиды по ночам или забираться в самые нижние ярусы и подземную часть Великой Пирамиды.

Возможно, последнее было психологическим эффектом, вызывающим страх, желанием заставить ослушавшихся чувствовать себя как бы заживо погребенными под гигантским монументом из прочной каменной кладки.

Вернуться назад он может по единственному ходу, по которому можно прибираться только ползком. И кто знает, возможно какой-либо случай или злой дух могут перекрыть его. Все это было настолько таинственным и заманчивым, что при первой же возможности мы решили вернуться на плато еще раз. Для меня эта возможность наступила значительно раньше, чем я предполагал.

В тот же вечер, когда члены нашей группы, утомившись после напряженного дня, отправились отдыхать, я пошел погулять с Абдулом Райсом по живописному арабскому кварталу. Хотя я видел его днем, мне хотелось побродить по узким улочкам и базарам в сумерках, когда густые тени и мягкие отблески света приносили сюда романтический ореол фантастики. Прохожих становилось все меньше, однако они вели себя очень шумно. И тут в Сукен-Наххазине, базаре медников, мы столкнулись с кучкой веселящихся бедуинов. Их явный предводитель, дерзкий молодой человек с тяжелыми чертами лица и вызывающе вздернутым подбородком, обратил на нас внимание. Очевидно, он узнал, не проявив при этом большого дружелюбия, моего опытного, но, признаться, надменного и расположенного к насмешкам проводника.

Возможно, думал я, ему ненавистно было то странное сходство улыбки Абдула Раиса с полуулыбкой Сфинкса, которое и я часто про себя отмечал с раздражением; или, может

быть, ему не нравился низкий, замогильный голос Абдула. Во всяком случае, обмен любезностями на местном диалекте был оживленным; недолго думая, Али Зиз, так звали незнакомца, начал с силой тянуть Абдула за халат. Последний тут же ответил ему взаимностью, приведшей к горячей схватке, в которой оба потеряли свои головные уборы, свято оберегаемые. Потасовка грозила обернуться жестокой дракой, если бы я не вмешался и не растащил их по сторонам, приложив к тому немалое усилие.

Мое вмешательство, поначалу внешне принятое с неудовольствием с обеих сторон, наконец, завершилось перемирием. С явной неохотой каждый из участников драки сдержал свой пыл, поднял головной убор с напускным чувством собственного достоинства, столь же глубоким, столь и неожиданно проявившимся; оба заключили любопытный договор чести — как я потом узнал, эта традиция была древнейшей в Каире. Этот договор предполагал разрешение разногласий соперников с помощью ночного боя на вершине Великой Пирамиды. Бой должен проходить после того, как любители достопримечательностей покинут это место. Каждый боец должен был пригласить секундантов со своей стороны. Кулачный бой должен начаться в полночь, проходить в несколько раундов как можно более культурным образом.

Во всех этих приготовлениях было нечто, что возбудило мой интерес.

Схватка эта сама по себе обещала быть единственной в своем роде и зрелищной, в то время как мысль моя об этой удивительной сцене на вершине древней громадины, взирающей со своей высоты на не менее древнее плато Гизы при тусклом свете бледной луны в предрассветные часы заставляло работать мое воображение. К моей просьбе взять меня в качестве одного из секундантов Абдул отнесся весьма благожелательно; так что остаток вечера я сопровождал его в различные притоны в самых значных районах города — в основном к северо-востоку от Избеких — в которых он один к одному собрал грозную, отборную шайку подходящих к данному случаю головорезов.

Вскоре после девяти часов наша группа, усевшись верхом на ослов с такими внушительными и вызывающими воспоминания именами, как «Рамзее», «Марк Твен», «Дж. П. Морган», «Миннесота», медленно продвигалась по лабиринту улиц как восточных, так и западных, пересекла мутный и заросший по берегам мачтовым лесом Нил по мосту с бронзовыми львами и устремилась легким галопом между огромными деревьями к Гизеху.

Чуть больше двух часов заняло у нас это путешествие, к концу которого нам встретился последний, возвращающийся турист. Мы помахали рукой последнему трамваю и остались наедине с ночной природой, прошлым и призрачной луной.

Затем в конце дороги показались гигантские пирамиды, отвратительные в своей смутной атавистической угрозе, которой я совсем не почувствовал при дневном освещении. Даже в самой маленькой из них было нечто омерзительное — не в ней ли погребена заживо царица Нитокрис из Шестой Династии; коварная царица Нитокрис, которая однажды пригласила на праздник всех своих врагов в храм под Нилом и утопила их, открыв затворы шлюзов? Я вспомнил, что арабы с осторожным шепотом рассказывали что-то о Нитокрис и остерегались появляться у Третьей пирамиды в определенные фазы Луны. Должно быть, это о ней размышлял Томас Мор, когда написал

то, о чем загадочно бормотали мемфисские лодочники: Подземная нимфа, что живет Среде не знающих солнца жемчугов, — Госпожа Пирамиды!

Как бы рано мы ни прибыли на место, Али Зиз и сопровождающие его все-таки опередили нас, так как мы увидели их ослов на фоне пустынного плато в Каффель-Харемс. Мы несколько свернули в сторону убогих арабских поселений недалеко от Сфинкса вместо того, чтобы ехать обычной дорогой в Мена Хаус, где нас могли заметить и задержать ленивые и незадачливые полицейские. По камням и песку нас повели к Великой Пирамиде, где мерзкие бедуины ставили верблюдов и ослов в каменных гробницах царедворцев Хефрена. У обветшавших стен Пирамиды нетерпеливо переминались с ноги на ногу арабы. Абдула Райс предложил мне помощь, в которой не было необходимости.

Насколько знают многие путешественники, сама вершина этого сооружения давно разрушилась, обнажив относительно ровную поверхность площадью около двенадцати квадратных ярдов. На этой жуткой высоте был сооружен ринг, и через несколько мгновений насмешливая пустынная луна искоса поглядывала на схватку, которая вполне могла бы иметь место в небольшом атлетическом клубе Америке, если бы не крики, раздававшиеся на ринге. Пока я наблюдал за ней, я чувствовал, что не было острой необходимости во всех ее непременных атрибутах, так как каждый удар, выпад и защитный маневр означали «потерю темпа» для моего, не сказать чтоб уж неопытного глаза. Схватка очень быстро закончилась, и, несмотря на мои сомнения относительно методов ее ведения, я испытывал своего рода гордость собственника, когда Абдул Райс был признан победителем.

Примирение было необыкновенно быстрым, и среди пения, братания и выпивки, которые за ним последовали, я с трудом мог себе представить, что ссора вообще имела место. Каким бы это ни было странным, казалось, скорее я был центром внимания, чем сами противники. Имея поверхностные знания арабского языка, я пришел к выводу, что они обсуждают мои профессиональные выступления и, прежде всего, мое искусство преодоления любого рода препятствий. Я не только понял, что они удивительно много обо мне знают, но почувствовал какую-то враждебность к себе и скептицизм относительно моих профессиональных качеств. В конце концов до меня дошло, что древнее искусство магии в Египте не могло исчезнуть бесследно, что оно пережило века и некоторые знания его тайн, знания свято охраняемых религиозных обрядов существуют и по сей день среди современных феллахов.

Именно мастерство чужеземного *haḥwī*, или мага-волшебника, вызывало ревнивое чувство, а иногда и негодование и ставилось под сомнение. Я думал о том, насколько мой проводник с глухим голосом Абдул Райс был похож на древнего египетского жреца, или фараона, или улыбающегося Сфинкса... и удивлялся.

Неожиданно молниеносно произошло нечто, что доказывало верность моих предчувствий и заставило меня проклинать ту беспросветную глупость, когда я принял события этой ночи за чистую монету. И действительно, как оказалось, это было ни что иное, как преднамеренный тайный сговор. Без всякого предупреждения и, без сомнения, в ответ на тайный знак со стороны Абдула вся компания бросилась на меня и, вытащив

толстые веревки, связала так крепко, как меня не связывали еще никогда в жизни — ни на сцене, ни вне ее.

Поначалу я сопротивлялся, но вскоре понял, что одному человеку не под силу справиться с шайкой более чем двадцати крепких и сноровистых варваров. Руки мои были скручены за спиной, колени согнуты настолько, насколько это было возможно, а запястье и щиколотки были прочно соединены неподатливыми узлами. Рот мне заткнули кляпом, вызвавшим приступ удушья, и туго затянули повязку на глазах. Потом, когда они несли меня высоко на плечах и начали спускаться с пирамиды, во время которого меня трясло и подбрасывало, я услышал ядовитые насмешки своего недавнего проводника Абдула. Он издевался и с наслаждением глумился надо мной своим низким, загробным голосом и заверил, что скоро мне предоставится величайшая возможность проверить свои «волшебные чары» и что я быстро забуду о самомнении, которое, возможно, завладело мной после триумфального турне по Америке и Европе. Египет, напомнил он злорадно, древняя страна, полная тайн, ведущих свое происхождение с давних времен.

Тайны эти непостижимы даже местным аборигенам, попытки которых заманить меня в ловушку потерпели поражение.

Не могу сказать, как далеко меня несли и в каком направлении, так как было сделано все против того, чтобы у меня сложилось более или менее точное представление о времени и пространстве. Однако, я полагаю, вряд ли расстояние было большим, так как те, кто меня нес — шли не слишком торопливо и довольно короткое время. Именно эта подозрительная краткость нашего пути заставляет меня содрогаться всякий раз, когда я вспоминаю о плато Гизы, так как близость туристических маршрутов, существовавших тогда и, должно быть, существующих поныне, весьма обманчива.

Эта зловещая видимость близкого расстояния, о которой я говорю, поначалу не была столь очевидной. Усадив меня на поверхность, которая, как я почувствовал, была скорее песчаной, чем каменистой, мои похитители обмотали мне грудь веревкой, и несколько футов тащили меня волоком к какому-то неровному углублению в земле, и вскоре опустили меня куда-то вниз, обращая со мной довольно бесцеремонно. Целую вечность я стучался о каменные шероховатые бока узкого, высеченного в камне колодца, пока огромная, почти невероятная глубина не лишила меня возможности строить какие-либо догадки.

Ужас от проводимого надо мной эксперимента все больше охватывал меня с каждой секундой, растянутой до вечности. То, что спуск сквозь эту отвесную твердую скалу мог быть столь бесконечным и не достигнуть центра самой планеты или что любая веревка, изготовленная человеком, могла быть столь длинной, чтобы окунуть меня в это дьявольское и, по-видимому, бездонное чрево преисподней, были рассуждениями настолько нелепыми, что легче было усомниться в собственных неумеренно-взволнованных чувствах, чем поверить всему этому. Даже сейчас я колебался, так как знаю, насколько обманчивым становится наше восприятие, если нарушается обычная точка отсчета. Но я абсолютно убежден, что до сих пор сохранял трезвую голову. По крайней мере, я не дополнял свое разгулявшееся воображение

картинами достаточно мерзкими в своей реальности, которые являются плодом рассудочной иллюзии, где-то граничащей с галлюцинацией.

Все это вместе взятое и было причиной моего первого небольшого обморока. Крайне высокая скорость спуска была тяжелым испытанием и положила начало последовавшему затем ужасному состоянию. Они очень быстро опустили эту бесконечно длинную веревку, и я сильно ободрался о шероховатости сужающихся к низу стен колодца, когда рухнул на дно. Одежда моя изорвалась в клочья, я чувствовал, как все тело было покрыто ссадинами и кровоподтеками, вызывающими мучительную боль. Тут же я ощутил едва поддающуюся определению смесь запахов: всепроникающий запах сырости и затхлости, удивительно непохожий ни на что из того, что мне приходилось встречать до того, и скорее напоминающий острый аромат пряностей и благовоний от курений фимиама, что придавало всему элемент насмешки.

Затем произошел странный перелом в моей психике. Это было ужасно, отвратительно и не поддавалось никакому описанию. Меня охватило настоящее исступление — совокупность кошмара с дьявольщиной.

Внезапность его была апокалиптической и демонической — в один момент я погружался, испытывая адские мучения, в этот узкий колодец-пасть с миллионами впивающихся в меня острых зубов; однако в следующее мгновение я высоко парил в ущельях ада на крыльях летучей мыши, то свободно покачиваясь в воздушных потоках, то устремляясь вниз сквозь милю безграничного затхлого пространства, взмывая на головокружительную высоту к безмерным вершинам освежающего неба, то судорожно окунаясь в засасывающие низины алчущего, отвратительного вакуума... Слава Богу за милосердие, что не допустил тех царапающих когтями фурий сознания, которые чуть было не лишили меня дара умственных способностей, хищнически терзая мою душу! Та передышка, какой бы короткой она ни была, дала мне силы и здравый ум, чтобы пересилить еще более сильные спазмы необъятного страха, которые, притаившись, ожидали меня на моем пути наверх.

Я медленно приходил в себя после того жуткого полета через мрачное пространство. Процесс этот был бесконечно болезненным, окрашенным фантазмагорическими и невероятными сновидениями, в которых мое состояние — я был связан и с кляпом во рту — нашло необычное воплощение.

Природа этих сновидений была для меня совершенно недвусмысленной, пока я переживал их; потом стала смутным пятном в моих воспоминаниях, а вскоре и вовсе приобрела только общие очертания в связи с ужасными событиями — истинными или воображаемыми — которые затем последовали. Мне пригрезилось, будто меня охватила громадная, жуткая лапа: желтая, волосатая, с пятью когтями. Она выросла откуда-то из-под земли, чтобы поймать и поглотить меня. Когда я приходил в себя и хотел воспроизвести изображение этой лапы, мне казалось, что это сам Египет. Во сне я оглядывался на события предшествующих недель. Я видел, как мало-помалу, тонко и коварно меня искушает и опутывает своими сетями вампир-дух из древненильских заклинаний — некий дух, который существовал в Египте до появления человечества и будет существовать, когда человечества не станет.

Мне виделся ужасный и отвратительный древний мир Египта и его вызывающая суеверный страх связь с гробницами и храмами мертвых. Мне виделись призрачные процессии жрецов с головами быков, собак, кошек и козерогов; призрачные процессии, тянувшиеся нескончаемым потоком по подземным лабиринтам и дорогам вдоль колоссальных профилей, рядом с которыми человек выглядел мухой. Они предлагали богам, которых невозможно описать, жертвы, которые язык страшится назвать. Каменные колоссы шли всю ночь и гнали стада ухмыляющихся сфинксов вниз, к берегам бесконечно тянущихся стоячих смоляных рек. А позади всего этого я видел невыразимую злобность первобытной некромантии, черной и амфорной, алчно жаждущей меня во тьме, чтобы подавить мой дух, осмелившийся насмеяться над ней, осмелившийся вступить с ней в состязание. В моем, еще находящемся в полузабытьи, сознании приобрела свои черты некая мания зловещей ненависти и преследования. Передо мной предстала черная душа Египта, избравшая и зовущая меня невнятным шепотом; манящая и соблазняющая, увлекающая ярким блеском и чарами сарацинской внешности, и одновременно толкающая вниз, в подземное кладбище, к ужасам мертвых и тайне фараонского сердца.

Потом лица в сновидениях стали напоминать человеческие, и я увидел своего проводника Абдула Раиса в одеянии фараона с полуулыбкой Сфинкса на лице. И я знал, что это лицо было лицом Хефрена Великого, с высеченным на нем Сфинксом, весьма напоминающим его самого. Хефрена, который построил главный храм с несметным количеством коридоров, проложенных, по мнению археологов, в загадочном песке и неизвестном камне. И я взирал на длинную худую и негнущуюся руку Хефрена; длинную, худую и негнущуюся руку, какую видел у диоритовой статуи в Каирском музее — статуи, которую нашли в главном храме — и удивился, что не закричал, когда увидел, что это Абдул Райс... Та рука? Она была отвратительно холодной и стискивала меня; то был холод и теснота саркофага... это сжимал меня как в тисках, до спазм, сам Египет, который не мог оставаться в памяти... Это был черный, как беззвездная ночь, Египет-некрополь... та желтая лапа... и такая жуткая молва о Хефрене...

Но тут я начал просыпаться — или по крайней мере переходить в иное состояние, так сказать, менее сонное, чем было до этого. Я вспомнил кулачный бой на вершине пирамиды, коварных бедуинов и их нападение на меня, мой жуткий спуск на веревке в бесконечные каменные глубины с головокружительным раскачиванием веревки и погружением в прохладную пустоту опьяняющей гнилости. Я почувствовал, что лежу на сыром каменном полу и веревки врезались в меня с такой силой, которую никак нельзя было ослабить. Было очень больно, и мне показалось, что я ощутил, как слабый поток воздуха овеивает меня. Многочисленные порезы и ссадины, которые я получил во время падения в колодец, невыносимо ныли. Это ощущение усиливалось до жалящей, жгучей остроты, и любого, самого осторожного движения было достаточно, что все мое тело начало пульсировать от острой и мучительной боли.

Когда я повернулся, то почувствовал, как дернулась натянутая веревка, на которой меня спустили сюда, и пришел к выводу, что она все еще достигала поверхности. Держали ее до сих пор арабы или нет, я не имел ни малейшего понятия; я также не мог сказать, на какой глубине нахожусь. Но я знал, что меня окружает ночная темнота, так как ни один лучик лунного света не проникал сквозь мою повязку на глазах. И все же я не

настолько доверял своим чувствам, чтобы принять в качестве доказательства то, что находился здесь бесконечно долго, Будучи уверен, по крайней мере, в том, что нахожусь на значительном удалении от поверхности непосредственно под отверстием, я не очень решительно предположил, что местом моего заключения, возможно, стала подземная часовня древнего фараона Хефрена — Храм Сфинкса — может быть, какой-нибудь внутренний коридор, который мои гиды-проводники утаили от меня во время утреннего посещения и из которого я мог бы без труда убежать, найди я дорогу к перекрытому ходу. Это было бы блуждание по коридору, напоминающему лабиринт, но это было бы не сложнее тех ситуаций, из которых я когда-либо выпутывался.

Первое, что мне необходимо было сделать, — это освободиться от пут, кляпа и повязки на глазах. Я знал, что это не будет для меня сложной задачей, так как более тонкие знатоки, чем эти арабы, пробовали испытать на мне различные приемы в течение моей долгой и разнообразной карьеры в качестве автора и исполнителя трюков. Однако успеха они никогда не добивались.

Потом мне пришла в голову мысль, что арабы могли предусмотреть такой вариант событий и напасть на меня при любом признаке возможного избавления от связывающих меня веревок. Было вполне вероятно, что они держали веревку в руках. Конечно, при условии, если считать само собой разумеющимся тот факт, что я нахожусь действительно в хефреновском Храме Сфинкса. Отвесное отверстие в своде, где бы оно ни было скрыто, вряд ли находилось на большом удалении от современного входа около Сфинкса, если, по правде говоря, оно вообще не было скрыто от любопытных глаз, так как вся площадь, доступная туристам, не столь уж велика. Я не заметил ничего подозрительного, пока блуждал здесь днем, но знал, что вполне мог не разглядеть этот вход среди дрейфующих песков.

Пока я лежал так на каменном полу, обдумывая все это, я почти забыл об ужасах, которые пережил при спуске в этот бездонный, похожий на пещеру колодец, о том, как раскачивалась веревка, на которой я висел, что довело меня впоследствии до состояния комы. Моя мысль сосредоточилась только на том, как бы перехитрить арабов, и я естественно, настроился на то, чтобы как можно скорее освободиться, приложив максимум усилий к тому, чтобы не насторожить своих похитителей и не выдать тем самым намерение избавиться от них.

Однако принять решение гораздо легче, чем осуществить его.

Необходимы несколько предварительных попыток прояснить ситуацию: вряд ли можно добиться успехов без значительных усилий, а значит и движений. И я не удивился, когда, после особенно сильного рывка, веревка, свертываясь спиралью, стала падать на меня. Очевидно, подумал я, бедуины обо всем догадались и отпустили свой конец, ничуть не сомневаясь в моих заблуждениях относительно действительного входа в храм.

Перспектива была не из радостных — но я бывал и не в таких переделках и не сдавался. Не намерен я был отступать и на сей раз. Сейчас мне было необходимо прежде всего освободиться от оков и положиться на свою ловкость и изворотливость, чтобы уйти из храма целым и невредимым.

Любопытно заметить, насколько безоговорочно я поверил в то, что нахожусь в храме Хефрена рядом со Сфинксом, не слишком глубоко под землей.

Но вера эта быстро пошатнулась. Во мне вновь ожило мое первоначальное опасение о сверхъестественной глубине и дьявольской тайне в связи с обстоятельством, от которого я испытывал еще больший ужас и которое приобрело еще большую значимость, несмотря на мой, казалось бы, мудрый план. Я уже упоминал о том, что падающая веревка свертывалась на мне и вокруг меня. Я заметил, что она все еще продолжала скатываться, что было бы невозможно, будь она обычной длины. Стремительность ее падения нарастала лавинообразно, и вскоре она огромной кучей лежала на полу, наполовину завалив мое тело увеличивающимися петлями. Вскоре она полностью поглотила меня, я исчез под ее спиральными витками настолько, что мне трудно стало дышать.

Мои надежды вновь рухнули, и я тщетно пытался избавиться от ощущения безысходности, неотвратимости надвигающейся беды. Дело не в том, что меня терзали мысли о том, насколько я мог все это выдержать, не только о том, что жизнь, казалась, медленно покидала мое тело. Главное заключалось в том, что я понимал — и слишком хорошо, — что означает такая неестественная длина веревки, и сознавал, какое расстояние отделяет меня от поверхности Земли. В таком случае мой бесконечный спуск и болтание на веревке имели место в действительности, и теперь я должен беспомощно лежать в этой ужасной дыре почти у центра Земли. Такое подтверждение моих первоначальных предположений было невыносимо. Это было слишком.

Бог проявил ко мне милость — я второй раз впал в забытие.

Когда я говорю о забытии, то не подразумеваю отсутствие сновидений.

Наоборот, отключение сознания означало сновидения столь отвратительные, что они почти не поддаются описанию. Боже мой!.. Если бы я не читал так много по египтологии прежде, чем приехать в эту страну, полную тайн и кошмаров! Мой второй обморок вновь заставил меня содрогнуться от ощущения того, что я нахожусь в этой стране с ее архаическими секретами. По какой-то гнусной причине мои сновидения обратились к древним мифам и представлениям о мертвых, о их временном обладании душой и телом за пределами этих загадочных гробниц и склепов, скорее напоминающих жилища, чем могилы. Я вспомнил в форме видений особую, тщательно продуманную, конструкцию египетских усыпальниц и чрезвычайно странные и леденящие кровь гипотезы о предназначении этих конструкций.

Все, о чем эти люди думали — это смерть и загробная жизнь. Они действительно верили в воскрешение тела, что заставляло их с безрассудной тщательностью мумифицировать его и сохранять жизненные органы в сосудах около трупов. Они верили не только в воскрешение тела, но и в два других элемента: душу, которая, взвешенная и одобренная богом Озирисом, могла быть допущена на священную землю; и мрачную, зловещую «ка», которая вселяла страх и блуждала в небесах или на земле, требуя время от времени доступа к сохраненным останкам. Она поглощала пищу, преподносимую жрецами и благочестивыми родственниками в погребальной часовне, а иногда — ходили

и такие слухи — забирала свое тело или его деревянную копию, которую всегда размещали рядом, и украдкой выносила его из гробницы с намерением, вызывающим особое отвращение.

Тысячи лет покоились эти тела, уложенные в саркофаги, глядя остекленевшими глазами, ожидая посещения «ка», ожидая того судного дня, когда Озирис возвратит на прежнее место «ка» и душу и поведет дальше легионы окоченевших мертвецов из домов вечного сна, находящихся глубоко под землей. Это должно было быть чудо второго рождения — но не все души к этому допускались. Некоторые гробницы считались оскверненными, в чем следовало усматривать либо нелепые ошибки, либо злодейски обдуманые нарушения правил погребального обряда. Даже в наши дни арабы шепотом говорят о неосвященных сборищах и отвратительных культах и службах, творимых в забытых гробницах и посещаемых летающими невидимыми «ка» и лишенными душ мумиями.

Возможно, самыми страшными легендами, от которых кровь стынет в жилах, являются те, что рассказывают нам о результате порочных склонностей и извращений разлагающегося духовенства той эпохи — смешанных мумий — искусственных соединениях человеческих туловищ и конечностей с головами животных в подражание древним богам. Во все периоды истории священных животных мумифицировали, чтобы освященные быки, кошки, ибисы, крокодилы и им подобные могли вернуться, когда наступит время, в еще большем великолепии. Но только во времена упадка Египта соединяли в одной мумии человека и животного только во времена упадка, когда не до конца была понята сущность «ка» и души.

Что случилось с теми смешанными мумиями, об этом не говорится — по крайней мере, совершенно точно известно, что ни одному египтологу их не удалось обнаружить. То, что рассказывают арабы, слишком нелепо, на это нельзя полагаться. Они даже намекают на то, что царь Хефрен — тот, что воздвиг Сфинкса, Вторую пирамиду и главный храм — живет глубоко под землей. Он вступил в брак с царицей-вампиром Нитокрис и правит мумиями, не похожими ни на человека, ни на животное.

Именно они — Хефрен со своей супругой и их странными полчищами умерших гибридов — явились мне в видениях, которые постепенно сгладились в памяти. Но самое ужасное из них было связано с вопросом, который я задал себе вчера, глядя на высеченную из камня великую загадку пустыни и интересуясь, на какой глубине может тайно соединяться с ней храм, расположенный неподалеку. Тот вопрос, столь невинный и причудливый тогда, приобрел в моем сне неистовое и истерическое безумие... какую же колоссальную и вызывающую отвращение ненормальность первоначально представлял собой Сфинкс?

Мое второе пробуждение — если это было пробуждение — это воспоминание о совершеннейшей мерзости, которая ни с чем в моей жизни не может сравниться, кроме одного случая, происшедшего гораздо позже. А надо сказать, что жизнь моя была полна приключений, которых хватило бы на многих. Помните, я потерял сознание, заваленный лавиной падающей на меня веревки, бесконечность которой вскрыла ту катастрофическую глубину, на которой я находился. Теперь, когда восприятие вернулось

ко мне, я уже не чувствовал на себе ее груза и, поразмыслив, понял, что, хотя я до сих пор связан, с кляпом во рту и повязкой на глазах, какая-то сила сбросила с меня прямо-таки удушающие пеньковые кольца, чуть было не погубившие меня.

Значение происшедшего медленно доходило до моего сознания. Несмотря на это, я вновь впал в забытие, если бы к этому времени я не достиг такого состояния эмоциональной депрессии, когда никакие новые страхи не могли ничего добавить. Я был наедине... с чем?

Прежде чем я мог начать терзать себя новыми размышлениями или сделать еще одну попытку освободиться от веревки, еще одно обстоятельство стало очевидным. Мое тело было истерзано болью, и казалось, будто я весь покрыт толстым слоем запекшейся крови от многочисленных порезов и ссадин. Грудь моя вся горела, будто какой-то громадный злой ибис долбил ее клювом. Несомненно, сила, сбросившая с меня веревку, была враждебной и начала терзать все мои раны. Тем не менее, мои ощущения были как раз обратными тому, что можно было ожидать. Вместо того, что бы погрузиться в ад отчаяния, я почувствовал побуждение к новым действиям, так как теперь понял, что злые силы были явлением физически реальным, явлением, с которым мужественный человек мог встретиться на равных.

Под воздействием этой мысли я с усилием потянул стягивающие меня узлы и использовал все свое мастерство, накопленное с годами, чтобы освободиться, как я неоднократно проделывал при свете лампы и под аплодисменты зрителей. Знакомые ощущения начали овладевать мной, и теперь, когда исчезла длинная веревка, во мне вновь появилась вера в то, что пережитые ужасы были всего лишь галлюцинацией, что никогда не было этого жуткого бездонного колодца с бесконечной веревкой. В конце концов, действительно ли я находился в храме Хефрена около Сфинкса? Забирались ли сюда эти подлые арабы, чтобы мучить меня, пока я лежал здесь беспомощный? В любом случае я должен освободиться. Надо развязать узлы, вытащить кляп, снять с глаз повязку, чтобы поймать хоть лучик света, просачивающийся из какой-нибудь щели! И тогда я действительно буду счастлив сразиться со злыми, коварными врагами!

Как долго я освобождался от узлов и веревок, я не знаю. Должно быть, все это заняло больше времени, чем во время представления, так как я был ранен, измучен, обессилен испытаниями, через которые прошел. Когда в конце концов это мне удалось, я глубоко вдохнул прохладный, сырой, насыщенный вредными испарениями воздух, еще более ужасный теперь, когда я был без кляпа и повязки на глазах. Я почувствовал такую усталость, что не мог пошевелить пальцем. Так я лежал какое-то время, пытаюсь вытянуть свое скрюченное тело и напрягая глаза в попытке хоть мельком увидеть луч света и таким образом определить свое местонахождение.

Постепенно мои силы и подвижность вернулись ко мне, но глаза по-прежнему ничего не видели. Когда я, пошатываясь, поднялся на ноги, то начал оглядываться по сторонам, но повсюду натыкался на такую тьму, хоть выколи глаз, будто я все еще был в повязке. Я попытался опереться на ноги, покрытые кровавой коркой под изодранными в клочья брюками. Оказалось, что я могу ходить. Однако я не мог решить, в каком направлении двигаться.

Очевидно, я не должен был идти наугад, чтобы не удалиться от входа, который мне предстояло найти. Поэтому я остановился, чтобы определить направление холодного и зловонного, с запахом окиси натрия, воздушного потока, который постоянно на себе ощущал. Приняв место его источника за возможный вход в пропасть, я приложил все усилия, чтобы держаться этого ориентира и последовательно двигаться в одном направлении.

У меня были с собой спички и даже маленький электрический фонарик, но, конечно, карманы моей изодранной одежды были заранее освобождены от «лишних» предметов. По мере того, как я осторожно продвигался в темноте, сквозняк становился все сильнее к неприятнее, пока, наконец, я не определил, что это было не более, чем ощущение потока зловонных испарений, выходящих наружу из некоего отверстия, будто облако с джином из сосуда рыбака в восточной сказке. Восток... Египет... истинно, это мрачная колыбель цивилизации всегда была источником несказанных ужасов и чудес!

Чем больше я размышлял над природой этого движения воздуха в пещере, тем сильнее становилось мое беспокойство. Несмотря на одуряющий запах, я искал его источник, как, по крайней мере, дополнительный ключ к выходу во внешний мир. Теперь я ясно увидел, что это отвратительное исчадие не могло иметь какой бы то ни было примеси или связи с чистым воздухом Ливийской пустыни. По существу, это было нечто, извергающееся из зловещих пещер, расположенных еще ниже. В таком случае, я шел в неверном направлении!

Поразмыслив немного, я решил не возвращаться. Если бы я пошел в другую сторону, я потерял бы этот ориентир, так как шероховатый каменный пол был лишен каких-либо отличительных конфигураций или отметин.

Однако, если бы я пошел навстречу этому потоку воздуха, я бы, без сомнения, пришел к какому-нибудь отверстию, от которого смог бы направиться вдоль стен к противоположной стороне этого гигантского подземелья. Я понимал, что мои ожидания могли не оправдаться. До меня дошло, что помещение, в котором я нахожусь, является частью главного храма Хефрена, неизвестного туристам. У меня мелькнула мысль, что о существовании именно этого места могут не знать даже археологи. Просто на него случайно наткнулись излишне любопытные и зловредные арабы, лишившие меня свободы. Если это действительно так, есть ли отсюда какой-нибудь выход в известные уже части храма или на поверхность?

Было ли у меня вообще какое-либо доказательство того, что я нахожусь в главном храме? На мгновение все самые нелепые предположения обрушились на меня лавиной. Все пережитые недавно яркие впечатления смешались у меня в голове — жуткое падение на веревке, пребывание во взвешенном состоянии, раны, видения, которые и в самом деле были видениями. Неужели наступил конец моей жизни? Может быть, и правда. Но, может, следовало бы благодарить бога, если и это и в самом деле конец? Я не мог ответить ни на один из своих вопросов, а просто продолжал движение, пока Судьба вновь не вернула меня в состояние забытья.

На сей раз ее было никаких видений, так как внезапность случившегося лишила меня возможности мыслить и сознательно и подсознательно.

Неожиданно я почувствовал, как ноги у меня стали подкашиваться в том месте, где сквозняк был настолько сильным, что потребовал от меня дополнительных физических усилий. Я рухнул головой вперед, скатившись по громадной каменной лестнице в бездну мерзостных испарений.

То, что я вновь дышу, так это благодаря жизнестойкости моего здорового и крепкого организма. Мысленно я часто возвращаюсь к той ночи.

Воспоминания мои о тех возобновляющихся обмороках окрашены налетом юмора. Обморочные состояния, последовательность которых напоминала мне ни о чем другом, как о наивных фильмах-мелодрамах, популярных в то время.

Конечно, вполне возможно, что они были мнимыми и что подземные кошмары были только видениями во время длительного пребывания в коматозном состоянии, начавшемся с шока от спуска в ту пропасть и благополучно закончившимся под влиянием целебного бальзама свежего воздуха и восходящего солнца. Я встретил день, распростертый на песке Гизы перед ухмыляющимся, порозовевшим от рассветного солнца Великим Сфинксом, Я предпочитаю верить в такое объяснение. Следовательно, я был рад, когда в полиции мне сказали, что вход в главный храм Хефрена был найден открытым и что подходящих размеров щель действительно существует в одном углу все еще скрытой под землей части постройки. Я также был рад, когда доктора объявили, что, по их предположениям, мои раны можно объяснить внезапным нападением и захватом, натягиванием повязки на глаза, резким спуском, попыткой освободиться от пут, падением с высоты, мучительно медленными поисками выхода на волю, другими переживаниями... очень успокаивающий диагноз. Тем не менее, я знаю, что не все так просто, как может показаться. То низвержение в бездну слишком живо в моей памяти, чтобы отрицать его. Странно еще то, что никто не смог найти человека, соответствующего описаниям моего проводника. Абдула Райса эль Дрогмана — проводника с загробным голосом, который так похож на фараона Хефрена.

Я отклонился от своего рассказа — возможно, в тщетной попытке избежать описания последнего приключения. Того приключения, что, в отличие от других, несомненно, объясняется галлюцинацией. Но я обещал рассказать о нем, а обещаний я не нарушаю.

Когда я пришел в себя — или это только казалось — после того падения с каменной лестницы, я все так же был один и в темноте, как и прежде.

Разносимое по всему подземелью удушающее зловоние, и без того отвратительное, стало теперь совсем непереносимым; но я уже несколько привык к нему и выдерживал его стоически. Все еще находясь в полубессознательном состоянии, я начал отползать с того места, откуда оно несло, и своими ободранными и кровоточащими руками нащупал громадные плиты невероятно огромной мощеной дороги. В какой-то момент я стукнулся головой о твердый предмет. Когда я потрогал его ладонью, то понял, что это основание колонны, колонны невероятных размеров — поверхность которой была покрыта гигантскими высеченными иероглифами, весьма ощутимыми при прикосновении.

Продолжая ползти, я натыкался на другие колонны такого же размера, отстоящие друг от друга на неопределенном расстоянии. Вдруг я остановился, поняв, что мое внимание привлекло нечто, что, должно быть, действовало на меня задолго до того, как к этому подключилось сознание.

Откуда-то из глубокой пропасти, прямо из недр земли доносились звуки, мерные и ясные, не похожие ни на что из того, что мне приходилось слышать прежде. То, что они были совсем древними и несомненно ритуальными, я почувствовал почти интуитивно; мои познания в египтологии позволили мне предположить, что это были флейта, самбука и тамбурин. В их ритуальном жужжании, гудении, грохоте и биении я почувствовал неопишущий ужас — ужас, никак не связанный с личным страхом, но скорее напоминающий реально существующее сострадание к нашей планете за то, что в ее потаенных недрах существует такое омерзение, которое скрывалось за этой какофонией. Звуки разносились во всей своей полноте, и я понял, что они приближаются. И тут — да объединятся боги всех пантеонов мира, чтобы уберечь мои уши от подобного — я услышал слабую и отдаленную тяжелую поступь марширующих существ.

Отвратительно было то, что звук их шагов, столь несхожий, имел такой совершенный ритм. Должно быть, за маршем этих чудовищ, обитающих в глубинах Земли, скрывалась слаженность и сноровка тысячелетней давности... потрескивание, пощелкивание, вышагивание, гроыхание, грохотание, ползание... и все это под вызывающие отвращение диссонансы насмехающихся и глумящихся инструментов. А затем — избави мою память, Господи, от тех арабских легенд! — мумии без души... место встречи блуждающих «ка»... полчища проклятых дьяволом фараонов-мертвецов сорока столетий... «смешанные мумии» шли, прокладывая путь сквозь самые отдаленные ониксовые пустоты владений фараона Хефрена и его царицы-вампира Нитокрис...

Тяжелая процессия приближалась — Боже, спаси меня от звука тех ног и лап, копыт, подушечек и когтей, когда все это началось проявляться в подробностях! Вдоль безграничного пространства, лишенной солнца мощеной дороги на зловещем ветру вспыхивал и гас проблеск света, и я спрятался за огромной окружностью гигантской колонны от того ужаса, который шествовал прямо на меня миллионами ног через громадные наплывы нечеловеческого страха и трепета перед древностью. Вспышки света участились, топот и диссонансные звучания нарастали до противного быстро. При дрожащем оранжевом свете чуть впереди я увидел действие, вызвавшее во мне такой благоговейнейший и безжалостный страх, что я раскрыл рот от неподдельного удивления, подавившего собой и мой испуг и отвращение. Основание колонн, середины которых были вне пределов видимости человеческого глаза... только одни основания уже подчеркивали такие колоссальные размеры, перед которыми Эйфелева башня выглядела незначительным сооружением... иероглифы, начертанные неправдоподобно искусной рукой в пещерах, где дневной свет может быть разве что далекой и красивой легендой.

Я не буду смотреть на этих марширующих чудовищ. Доведенный до отчаяния, я решил на это, когда услышал поскрипывание суставов и тяжелое азотистое дыхание, заглушающее порой мертвую музыку и поступь мертвых. Слава Богу, что они не говорили... Но Боже мой! Мятущийся свет их факелов начал отбрасывать тени на

поверхность громадных колонн. У гиппопотамов не должно быть человеческих рук, они не могут держать факелов... у людей не должно быть крокодиловых голов...

Я попытался отвернуться, но тени, звуки и зловоние заполняли все вокруг. Потом я вспомнил — когда я был мальчиком и по ночам меня мучили кошмары, то я начинал повторять: «Это сон! Это сон!» Это редко приносило облегчение. Тогда я закрывал глаза и молился... по крайней мере, мне кажется, что молился, ибо что еще можно было в моем положении предпринять. Хотелось бы мне знать, увижу ли я когда-нибудь свет божий.

Если бы можно было разглядеть это место, если бы можно было запомнить его как-то иначе, не связывая с ветром, несущим запах разложений, с бесконечными, уходящими вверх колоннами и причудливыми тенями.

Потрескивающее пламя факелов ярко освещало все вокруг, и если бы это чертово место было совсем без стен, я не смог бы разглядеть его пределы или какой-нибудь ориентир. Но мне вновь пришлось закрыть глаза, когда я увидел, как много этих существ здесь собралось. И тут мой взгляд упал на нечто, вышагивающее торжественно — на существо без верхней половины туловища.

Дьявольски завывающее трупное бульканье, напоминающее предсмертный хрип, нарушило саму атмосферу — это вступил разноголосый хор, состоящий из омерзительного легиона гибридных богохульств. Перед моими глазами, упрямо не подчинявшимися мне и остававшимися открытыми, предстала такая картина, которую ни одно человеческое сознание не осмелится себе вообразить без паники и физического изнеможения. Чудовища торжественно шествовали шеренгами в одном направлении — в направлении зловонного потока воздуха. При свете факелов можно было рассмотреть их склоненные головы. Во всяком случае, у тех, кто их имел. Они молились перед огромным черным отверстием, изрыгающим зловоние. Оно так высоко поднималось вверх, что его предела не было видно, и, насколько я мог понять, располагалось под прямыми углами вблизи двух гигантских лестниц, концы которых оставались далеко в тени. Без сомнения, с одной из них я и упал вниз головой.

Размеры этого отверстия полностью соответствовали колоннам — обычный дом бы затерялся в нем. Любое средней величины здание свободно разместилось бы здесь. Оно было настолько огромным, что рассмотреть его пределы можно было, лишь поворачивая голову... такое огромное, такое омерзительное черное и с такими чудовищными «ароматами»... Прямо перед этой зияющей «дверью Полифема» существа бросали какие-то предметы очевидно, пожертвования или ритуальные подношения и дары, если судить по их жестам. Хефрен был их предводителем. Ухмыляющийся фараон Хефрен или проводник Абдул Райс, увенчанный золотой короной, растягивал речитативом бесконечный догмат своим загробным голосом мертвеца. Рядом с ним опустилась на колени прекрасная царица Нитокрис, которую я на мгновение увидел в профиль, заметив, что правая сторона ее лица была изъедена крысами или другими вампирами. Я вновь закрыл глаза, когда увидел, что они бросали в качестве подношений зловонному отверстию или, возможно, его божеству.

Мне пришла в голову мысль, что, судя по тому усердию, с которым они участвовали в богослужении, скрытое божество, очевидно, было могущественным. Был ли это Озирис

или Изида, Гор или Анубис, а возможно, неизвестный Бог Мертвых, еще более важный и великий? Существует легенда, что в древности воздвигали внушающие ужас и трепет алтари и изваяния Неизвестному прежде, чем установился культ известным богам...

Теперь, когда пережитые трудности настолько закалили меня, и я мог наблюдать за восторженным поклонением своему божеству этих безымянных существ, у меня промелькнула мысль о побеге. Зал был тускло освещен, и колонны оставались в густой тени. Так как все эти существа были поглощены изъятием своего восторга, я вполне мог незаметно пробраться к отдаленному концу одной из лестниц и незаметно проскользнуть по ней, положившись на Судьбу и свою ловкость. Я не знал, где находился, и не задумывался над этим всерьез, но на какое-то мгновение мне показалось забавным, что я и в самом деле помышляю побег из того, что, насколько я понимал, было сновидением. Находился ли я в каком-то скрытом, неизвестном ранее царстве главного храма Хефрена — того самого, который поколение за поколением упорно именуют Храмом Сфинкса? Я не мог строить догадки, но решил подняться из этой тьмы и вернуться к жизни, если только сознание и силы вновь не оставят меня.

Распластавшись на животе, я предпринял опасный маневр к основанию лестницы, находящейся слева от меня, так как она показалась мне более доступной. Я не в состоянии описать все обстоятельства и ощущения, которые мне довелось пережить во время медленного продвижения к цели. Но если задуматься над этим, то без труда можно представить, что я испытал, чтобы остаться незамеченным при свете ярких факелов.

Как я уже говорил, основание лестницы, обнесенной перилами, находилось в тени, и это обстоятельство должно было облегчить мою задачу — подняться, не сгибаясь, на головокружительной высоте площадку над гигантским отверстием. Мне оставалось преодолеть совсем немного. Я находился довольно далеко от мерзкой толпы. Тем не менее, кровь стыла от всего этого неопишуемого зрелища.

Наконец мне удалось добраться до ступенек, и я начал взбираться по ним, держась поближе к стене, на которой я заметил украшения и орнаменты самого отвратительного вида. Я надеялся остаться незамеченным, так как все внимание толпы исступленно молящихся чудовищ было занято изрыгающим зловоние отверстием и теми нечестивыми предметами, которые были набросаны на мощеную дорогу перед ним. Лестница была гигантской и крутой, выделанной из огромных порфирных плит, будто рассчитанной для великана.

Казалось, ей не будет конца. Боязнь оказаться обнаруженным и боль от ран, вновь возобновившаяся при движении, все это, вместе взятое, заставляет меня испытывать сильные мучения, как только я вспомню об этом.

Добравшись до площадки, я тут же намеревался взбираться наверх по лестнице, куда бы она ни вела, не останавливаясь, чтобы бросить прощальный взгляд на эту омерзительную мертвечину, стоявшую коленапреклоненно перед своим черным алтарем на семьдесят или восемьдесят футов ниже меня.

Однако внезапно грянувший громopodobный хор булькающих и хрипящих звуков мертвецов — грянувший еще до того, как я взобрался на площадку, и означающий, судя

по ритуальному ритму, что я не был обнаружен, заставил меня остановиться. Я осторожно подошел к краю лестницы и заглянул через перила.

Внизу все приветствовали кого-то, кто время от времени показывался из мерзкого отверстия, чтобы схватить дьявольские подношения, предназначенные для него. Это было существо с довольно массивным туловищем, даже с этой высоты, с какой я его наблюдал, желтоватого цвета, волосатое, с нервными движениями. Пожалуй, оно было таким же крупным, как гиппопотам, и с очень странной фигурой. Казалось, у него не было шеи, но пять лохматых голов торчали из туловища примерно цилиндрической формы: первая была очень маленькая, вторая, крупных размеров, третья и четвертая — одинаковые по величине и самые большие из всех, а пятая — довольно маленькая, но не такая, как первая.

Одна голова резко выбрасывала вперед странные негнущиеся щупальца, которые жадно хватили в необычайно огромных количествах пищу, положенную перед отверстием в качестве священной жертвы. Время от времени существо выскакивало из своего укрытия, а затем скрывалось там же очень странным образом. Способ его передвижения был настолько непостижимым, что я замер, уставившись в изумлении и ожидании, когда оно появится еще раз из своего, похожего на пещеру, логовища.

Потом оно появилось... оно действительно появилось, и при его виде я в ужасе повернулся и стремглав помчался в темноту, спасаясь бегством, вверх по лестнице, поднимавшейся за мной. Помчался в неведомое, по невероятным и неправдоподобным ступеням, приставным лестницам и наклонным плоскостям. Я не знаю, что направляло меня. Очевидно, я должен отнести все это за счет видений, так как у меня сегодня нет никаких доказательств.

Должно быть, это было видение, иначе я никогда не встретил бы день распростертым на песчаной равнине Гизы прямо перед ухмыляющимся и порозовевшим от рассветного солнца Великого Сфинксом.

Великий Сфинкс! Боже! — тот ничего не значащий вопрос, который я задал себе в то благословенное утро накануне... какую же колоссальную и вызывающую отвращение нелепость первоначально представлял собой Сфинкс? Будь проклято это зрелище — сон это или нет — которое открыло мне величайший ужас неизвестного Бога Мертвых, скрывающегося в своей невообразимой бездне и пожирающего в огромных количествах отвратительные дары и подношения, сделанные лишенными души нелепостями, каких на земле-то не должно существовать. Пятиглавый монстр, который появлялся... тот пятиглавый монстр, огромный, как тысяча гиппопотамов... пятиглавое чудовище — одна его только передняя лапа...

Но я прошел через все опасности и выжил. И я знаю, все это было не более чем сон.

Перевод: А. Сырова

1993 год